Тема из школьной программы

Т. Е. Зыль, доцент кафедры риторики и методики преподавания языка и литературы Белорусского государственного университета

И. А. Бунин: проблемное изучение биографии писателя

Знакомство с биографией писателя даёт школьникам психологическую и эстетическую установку на изучение его произведений. Известно, что реальную действительность художник воссоздаёт через личное отношение к ней, поэтому изучение биографии писателя преследует цель ввести учащихся в неповторимый мир художника слова, помочь им понять этот мир с позиций современности. Реализация этой цели на уроке открывает возможности для глубокого постижения школьниками авторского замысла, авторской концепции мира и человека в произведениях писателя. Таким образом, при изучении монографической темы в старших классах на первый план выступает задача формирования знаний учащихся о творческой индивидуальности писателя.

"Очевидно, что личность, творческая индивидуальность писателя формируются жизненным опытом во всей его конкретности и неповторимости" [1, с. 86], однако отождествление реальной личности и творческой индивидуальности художника неправомерно. Важно, чтобы школьники поняли, что интенсивность духовной жизни автора не ограничивается масштабами непосредственно пережитого им. Духовный опыт писателя формируется под влиянием разнородных воздействий.

"Творческая индивидуальность художника складывается в результате взаимодействия его природного дара и общественного бытия. К субъективным факторам, реализующимся в произведении художника и отражающим его индивидуальность, относятся: характер его образного видения, жанровые предпочтения, творческие цели, пафос, художественный метод и стиль, ориентация на предполагаемого читателя. Субъективные факторы находятся в теснейшей взаимосвязи с объективными: общественными и гражданскими тенденциями, формирующими индивидуальное мировоззрение писателя, эстетическими идеалами эпохи, современным художнику состоянием литературного процесса" [2, с. 50].

Между тем в школьной практике порою идейные, эстетические и другие взгляды писателя излагаются настолько обобщённо, что кажутся едва ли не тождественными взглядам многих других авторов, творчество которых изучается в школе. В связи с этим важно подчеркнуть, что в изложении биографического материала главным условием является чёткая концепция всего духовного облика и творчества писателя и современность акцентов, ориентированность урока на последующее изучение произведений, в основе которого личностное восприятие учащимися художественного мира автора. Решение этих задач, на наш взгляд, может быть достигнуто в ходе проблемного изложения биографического материала.

Изучение биографии И. А. Бунина в выпускном классе школы позволяет аргументировать высказанные положения. "Истоки дней" И. А. Бунина следует искать в литературном процессе рубежа веков, именно в этот период формировались его эстетические

3 "Русский язык и литература", № 9, 2008

вкусы, определялась его идеологическая позиция. На протяжении долгого творческого пути художник остался верен своим жизненным принципам, поэтому представляется оправданной попытка современных исследователей осмыслить творчество и жизнь И. А. Бунина в целом, не придерживаясь сложившейся традиции в изучении этой монографической темы — деления творчества на дореволюционный и эмигрантский периоды.

В методических публикациях и разработках темы учителями-практиками, как показывают наблюдения, акцент сделан на проблеме отношений Бунина с советской властью. Причём в оценке позиции писателя преобладают глаголы "не понял", "не принял", "не видел" и т.д. На наш взгляд, этот вопрос важный, но не основной на уроке. Не имея достаточно времени для того, чтобы выяснить позицию писателя, учащиеся со слов учителя характеризуют автора и нередко в предельно категоричной форме. В таком случае можно говорить, что мнение у школьников не формируется, а навязывается им. Вместе с тем подборка цитат из его произведений (а чаще всего обращаются к дневнику писателя "Окаянные дни") выглядит односторонней и не проясняет в достаточной степени всей сложности переживаний Бунина. За границей оказались многие творческие личности, но мотивы отъезда и характер взаимоотношений с советской властью были у них различными. Прояснить позицию художника читателю сегодняшнего времени в наибольшей степени помогают признания самого автора, сделанные по истечении определённого времени, когда эмоциональные суждения сменились аналитическим разбором пережитого опыта, как, например, в книге Ф. И. Шаляпина "Маска и душа" (М. : Вагриус, 1997).

С нашей точки зрения, современному читателю И. А. Бунин интересен прежде всего как художник, сполна реализовавший свои возможности в творчестве, как человек, не получивший систематического образования, но благодаря своему трудолюбию и силе воли добившийся мирового признания своего таланта (две Пушкинские премии Российской академии наук, почётное звание академика, Нобелевская премия). "Талант, реализованный в творчестве, является и самой устойчивой, нетленной частью души писателя, каким он живёт во времени и в памяти последующих поколений" [3, с. 3—4].

Биография писателя играет важную роль не только в образовании, но и в воспитании школьников, способствуя приобретению ими определённого опыта нравственно-эмоционального отношения к миру. Знакомя учащихся с личностью И. А. Бунина, с его общественной и творческой деятельностью, мы делаем их свидетелями напряжённого труда, развиваем их чувства, способствуем формированию их характера. Учитель должен помочь школьникам увидеть возможности обогащения собственного духовного опыта, что является необходимым условием личностного восприятия учащимися творчества писателя.

Жизненный опыт И. А. Бунина, никогда не изменявшего себе и своему призванию, вызывает эмоциональный отклик у старшеклассников, потому что их интересуют проблемы самоопределения, выявления собственных способностей и возможностей. Последовательная работа над собой, выработка программы внутренней жизни, желание осознать себя в этом мире, дать определённое направление природным и выработанным качествам (впечатлительность, воля) — все эти стороны личности писателя могут быть рассмотрены при изучении материалов жизни и творчества И. А. Бунина.

Возможны различные варианты изложения биографического материала: лекция; литературный монтаж; лекция учителя, включающая сообщения учащихся; заочная экскурсия, урок-презентация и др. Все они призваны решить следующие методические задачи:

— помочь учащимся приобщиться к художественному миру писателя, понять его индивидуальность и неповторимость;

— дать установку на освоение стилевого своеобразия его творчества;

— пробудить у школьников желание самостоятельно расширить представление о художнике и его творчестве.

Рассмотрим возможный вариант изучения биографического материала, включающий сообщения учащихся с последующим обобщением учителя. Главной проблемой, рассматриваемой на уроке, является бунинская целеустремлённость. В таком случае тема урока может звучать так: "Верность призванию", а эпиграфом будет суждение самого автора: "Образовать в себе из даваемого жизнью нечто истинно достойное писания — какое это редкое счастье — и какой

душевный труд!" [4, VI, с. 229]. Этим высказыванием И. А. Бунина определяется отбор биографического материала.

Порекомендовав учащимся литературу для подготовки [5; 10; 24; 25], предлагаем темы сообщений к уроку. Целесообразно, на наш взгляд, обозначить вехи мировоззренческой и эстетической эволюции И. А. Бунина. Осмысление биографического материала в таком аспекте — важный момент в формировании **умения школьников рассматривать мировоззрение и творчество писателя в их взаимосвязи**. Темы сообщений учащихся могут быть сформулированы следующим образом:

1. "Истоки дней" Бунина: самопознание и самоопределение.
2. Жизнь в Петербурге и в Москве. И. А. Бунин и писатели-современники.
3. Бунинская "жажда жить... тысячами чужих жизней" [6, I, с. 386]. Путешествия Бунина.
4. Отношение писателя к революции.
5. Творчество Бунина, "реалиста несуществующего мира" (Ю. М. Лотман), в эмиграции.
6. Мировое признание писателя.

Объём обобщающего слова учителя определяется степенью содержательности ученических сообщений. Предлагаем материал для слова учителя.

В автобиографии И. А. Бунин писал, что его родители — Алексей Николаевич и Людмила Александровна — оба старинных дворянских фамилий. По отцу он состоял в родстве с поэтессой Анной Петровной Буниной и поэтом Василием Андреевичем Жуковским. Детские годы и ранняя юность И. А. Бунина прошли в деревне, на хуторе Бутырки Елецкого уезда Орловской губернии. Писатель вспоминал: "Тут, в глубочайшей полевой тишине, летом среди хлебов, подступавших к самым нашим порогам, а зимой среди сугробов, и прошло всё моё детство, полное поэзии печальной и своеобразной" [4, IX, с. 254].

Условия жизни, в которых он рос, далеки от описанных С. Т. Аксаковым и Л. Н. Толстым в их автобиографических произведениях. С детских лет Бунин познал нужду. Родители не имели возможности дать ему хорошее домашнее образование. Вместе с тем единственный учитель, обучавший его, будучи разносторонне образованным человеком (знал несколько европейских и восточных языков), очень талантливым и в музыке, и в живописи, и в литературе, по словам Бунина, "распалял его воображение". Не случайно, что в письме к редактору журнала А. Коринфскому в 1895 г. Бунин среди других фактов своей биографии отмечает роль учителя Н. И. Ромашкова в развитии собственных творческих способностей: "...Его увлекательные рассказы в зимние вечера, когда метели буквально до верхушек заносили вишенник нашего сада на горе, и то, что первыми моими книгами для чтения были "Английские поэты" (изд(ния) Гербеля) и "Одиссея" Гомера, пробудили во мне страсть к стихотворству, плодом чего явилось несколько младенческ(их) виршей" [7, с. 210—211]. В. Н. Муромцева-Бунина пишет, что "лет восьми Ваня написал стихи — о каких-то духах в горной долине, в месячную ночь. Он говорил мне, что видит её до сих пор" [5, с. 35].

Большую роль в формировании интереса Бунина к творчеству сыграла поэтическая атмосфера родного дома. В своих автобиографических заметках (1915) Бунин писал, что его отец много читал, имел "ум живой и образный" и "говорил всегда удивительно энергическим и картинным языком" [4, IX, с. 255]. Мать Бунина любила поэзию В. А. Жуковского и А. С. Пушкина, гармоничная стройность стихов которого очаровала Бунина ещё в детские годы.

Не удивительно поэтому, что И. А. Бунин-художник сложился рано. "То, что я стал писателем, вышло как-то само собой, определилось так рано и незаметно, как это бывает только у тех, кому что-нибудь "на роду написано" [4, IX, с. 27], — вспоминал он в 1927 году. Во многом автобиографический роман "Жизнь Арсеньева" даёт возможность проследить **процесс самопознания Бунина**. Произведение воскрешает переживания ребёнка, осмысляющего окружающий мир, пытающегося определить свои эмоции, разобраться в чувствах. Безусловно, повышенная острота внутреннего зрения подчёркивает присущий Арсеньеву художнический духовный мир. Тем не менее этот сложный процесс самопознания являет общечеловеческие особенности и тем интересен читателю.

Автор приковывает наше внимание к будничным явлениям жизни, доступным нашему опыту, и замечает в этом простом и будничном мире столько прекрасного, мимо чего мы проходим, не остановившись и не удивившись, и открывает нам эту красоту. Бунин, как и его герой Арсеньев, рано испытал влияние "всего того чувственного, вещественного, из чего создан мир" [4, VI, с. 18]. Предлагаем учащимся прослушать отрывок

из VI главы и отметить бунинскую отзывчивость на физические свойства предметов.

"Но уж где было настоящее богатство всякой земляной снеди, так это между скотным двором и конюшней, на огородах. Подражая подпаску, можно было запастись подсоленной коркой чёрного хлеба и есть длинные зелёные стрелки лука с серыми зернистыми махорчиками на остриях, красную редиску, белую редьку, маленькие, шершавые и бугристые огурчики, которые так приятно было искать, шурша под бесконечными ползучими плетями, лежавшими на рассыпчатых грядках...

На что нам было всё это, разве голодны мы были? Нет, конечно, но мы за этой трапезой, сами того не сознавая, приобщались самой земли, всего того чувственного, вещественного, из чего создан мир. Помню: солнце пекло всё горячее траву и каменное корыто на дворе, воздух всё тяжелел, тускнел, облака сходились всё медленнее и теснее и, наконец, стали подёргиваться острым малиновым блеском, стали где-то в самой глубокой и звучной высоте своей погромыхивать, а потом греметь, раскатываться гулким гулом и разражаться мощными ударами, да всё полновеснее, величавей, великолепнее... О, как я уже чувствовал это ***божественное*** великолепие мира и Бога, над ним царящего и его создавшего с такой полнотой и силой вещественности! Был потом мрак, огонь, ураган, обломный ливень с трескучим градом, всё и всюду металось, трепетало, казалось гибнущим, в доме у нас закрыли и завесили окна, зажгли "страстную" восковую свечу перед чёрными иконами в старых серебряных ризах, крестились и повторяли: "Свят, свят, свят, Господь Бог Саваоф!" Зато какое облегченье наступило потом, когда всё стихло, успокоилось, всей грудью вдыхая невыразимо отрадную сырую свежесть пресыщенных влагой полей, — когда в доме опять распахнулись окна, и отец, сидя под окном кабинета и глядя на тучу, всё ещё закрывавшую солнце и чёрной стеной стоявшую на востоке, за огородом, послал меня выдернуть там и принести ему редьку покрупнее! Мало было в моей жизни мгновений, равных тому, когда я летел туда по облитым водой бурьянам и, выдернув редьку, жадно куснул её хвост вместе с синей густой грязью, облепившей его" [4, VI, с. 18—19].

Эта отзывчивость на физические свойства предметов является одной из характернейших особенностей творческой манеры И. А. Бунина. Писатель обладал обострённым чувством природы и величайшим мастерством её изображения в звуках, цвете, запахах. И. А. Бунин писал: "Зрение у меня было такое, что я видел все семь звезд в Плеядах, слухом за версту слышал свист сурка в вечернем поле, пьянел, обоняя запах ландыша или старой книги" [4, VI, с. 92]. Описание грозы в приведённом отрывке даёт почти физическое впечатление внезапно налетевшего летнего ливня, обрушившегося потоками на землю. Бунин находит очень ёмкое слово — "обломный ливень" (неожиданно хлынувший как будто с обломившегося под его тяжестью неба).

Тонкое понимание природы вызвало желание запечатлеть её красоту. В детские годы Бунин имел страстную мечту стать живописцем, его завораживала гармония красок. В "Жизни Арсеньева" он так характеризует эту потребность: "Я весь дрожал при одном взгляде на ящик с красками, пачкал бумагу с утра до вечера, часами простаивал, глядя на ту дивную, переходящую в лиловое, синеву неба, которая сквозит в жаркий день против солнца в верхушках деревьев, как бы купающихся в этой синеве, — и навсегда проникся глубочайшим чувством *истинно-божественного* смысла и значения земных и небесных красок. Подводя итоги того, что дала мне жизнь, я вижу, что это один из важнейших итогов. Эту лиловую синеву, сквозящую в ветвях и листве, я и умирая вспомню..." [4, VI, с. 32].

В 1881 г. Бунин поступил в Елецкую гимназию, в которой проучился четыре года, а затем самовольно её оставил. Возможно, он так бы и остался дворянским недорослем, если бы старший брат Юлий, студент Петербургского университета (активный деятель "Чёрного передела", в дальнейшем известный писатель — псевдоним Л. Женжурист), высланный в родовое поместье за участие в революционном движении, не занялся его образованием. Он читал Ивану начатки психологии, историю, формировал литературные пристрастия будущего писателя. Юлий не навязывал младшему брату своих взглядов, а побуждал его к самостоятельности суждений при оценке художественных произведений и критических статей. Юлий сыграл огромную роль в умственном развитии и нравственном становлении будущего писателя, предопределив и его раннее увлечение народничеством, и литературные пристрастия.

В это время были написаны первые опубликованные произведения Бунина. Он

дебютировал в печати стихами в журнале "Родина" (1887). Первый опубликованный рассказ "Танька" (в журнальной редакции имевший заглавие "Деревенский эскиз") появился в четвёртом номере журнала "Русское богатство" за 1893 г. (журнал народнического направления, издававшийся с 1879 по 1918 г. в Санкт-Петербурге). В дальнейшем Бунин, как начинающий прозаик, выступал почти исключительно в изданиях народнического направления: сначала в "Русском богатстве", затем в "Новом слове". О народнических симпатиях молодого Бунина свидетельствуют журнальные редакции рассказов, опубликованных в первой половине 1890-х гг., которые писатель впоследствии существенно правил ("Танька", "На край света", "Вести с родины" и др.).

Оскудение дворянских гнёзд, как характерное явление пореформенной эпохи, определило жизненные судьбы молодого поколения Буниных: потомки старинного дворянского рода должны были самостоятельно искать средства к существованию. Материальная нужда больно уязвляла сословную гордость Ивана Бунина, определяя его жизнепонимание. Психологическая убедительность и правдивость переживаний небогатого или разорившегося дворянина — героя многих его произведений — имеет под собой реальный жизненный опыт писателя.

Путь в литературу не был для И. А. Бунина прямым и лёгким. Примечателен факт: начало его литературной деятельности связано с журналистским трудом, что было типичным явлением в среде русских писателей, выходцев из провинции, вступивших в литературу на рубеже веков (М. Горький, А. Куприн, Л. Андреев и др.). С осени 1889 г. Иван Бунин фактически выполнял работу редактора газеты "Орловский вестник", в течение 1894—1895 гг. сотрудничал в газете "Полтавские губернские новости", а с 1898 по 1900 г. в Одессе принимал активное участие в редактировании газеты "Южное обозрение".

В дальнейшей жизни Бунин часто сетовал на то, что он не получил хорошего образования и что ему пришлось слишком рано зарабатывать себе на хлеб газетным трудом вместо того, чтобы учиться. Племянник Бунина Н. Пушешников, часто сопровождавший писателя в поездках за границу, записал его высказывание во время их пребывания в Нюрнберге в 1911 г.: "...Страшно вспомнить теперь, сколько времени пропало зря, даром! Разве я так (бы) писал, если бы я в юности жил иначе, если бы я больше учился, больше работал над собой, если бы я родился не в Бутырках, а здесь, если бы у меня в молодости не было такой нужды. Восемнадцатилетним мальчиком я был уже фактическим редактором "О(рловского) в(естника)" (...), а мне надо было учиться и учиться по целым дням!" [8, с. 417].

С осени 1892 г., перебравшись на постоянное жительство в Полтаву, где уже жил и работал старший брат Юлий, Бунин стал служить в статистическом бюро земской управы. Он писал, что земской работе молодёжь отдалась с особой энергией, стараясь проводить её в духе народнических идеалов. Полтавский период в жизни Бунина очень важен для понимания его жизненных и творческих исканий. В Полтаве жили наиболее видные "толстовцы", поэтому неслучайно увлечение молодого Ивана Бунина толстовством. Он познакомился с последователями Толстого Б. Н. Леонтьевым и И. Б. Файнерманом. Бунин настолько попал под обаяние моральной проповеди Толстого, что подражал ему в манере одеваться и даже учился бондарному ремеслу у толстовца Файнермана, занимался распространением книжной продукции издательства "Посредник".

В "Освобождении Толстого" писатель так вспоминал о периоде своего толстовства: "Позднее, страстно мечтая о чистой, здоровой, "доброй" жизни среди природы, собственными трудами, в простой одежде, главное же, опять-таки от влюблённости в Толстого, как художника, я стал толстовцем, — конечно, не без тайной надежды, что это даст мне наконец уже как бы законное право увидеть его и даже, может быть, войти в число людей, приближённых к нему" [4, IX, с. 51]. Мечта Бунина осуществилась в начале января 1894 г. Он лично познакомился с Толстым, с которым до того уже переписывался эпизодически. Так, в письме к Л. Н. Толстому от 7 февраля 1893 г. Бунин предлагает помощь писателю в его деятельности по организации работы столовых для голодающих, а в июле этого же года начинающий писатель посылает Толстому свой первый рассказ ("Деревенский эскиз"). По этому поводу Бунин пишет: "Посылаю её (брошюрку. — Т. З.) Вам как человеку, каждое слово которого мне дорого, произведения которого раскрывали во мне всю душу, пробуждали во мне страшную жажду творчества" [7, с. 182]. Посещение Ясной Поляны и общение с писателем внесло свои коррективы в отношение Бунина к Толстому как человеку и художни-

ку. Великий писатель отговорил юношу от дальнейшего опрощения, и стиль жизни, который не был органичен для Бунина, уже не воспринимался им как потребность души. К Толстому-художнику Бунин на всю жизнь сохранил благоговейное отношение.

Необходимость работы ради куска хлеба была обременительна для Бунина, но вместе с тем давала ему богатый и разнообразный жизненный материал для творчества. Каждого большого писателя отличает свой круг тем, идей, образов. Характерными для Бунина темами являются жизнь русской деревни и "вечные темы" — любовь, красота.

С ранних лет в Бунине жило стремление воссоздать красоту мира, передать людям и тем сохранить её, спасти от забвения. "Я должен взять и, разгадав, отдать..." [4, I, с. 449]. Его постоянно терзало сознание невозможности выразить словами всю прелесть жизни: "Нет, мучительно для меня жить на свете! Всё мучает меня своей прелестью" [6, II, с. 257]. Подобные высказывания характерны для Бунина. Чем старше, тем требовательнее к себе был художник. На протяжении своего долгого жизненного пути он постоянно совершенствовал своё писательское мастерство.

Поиски Буниным своего пути в литературе сопровождались порою отчаянием и сомнениями, но вера в свои силы, упорство и настойчивость помогали их преодолевать. Писатель понимал, что борьба с трудностями требует затраты душевных сил (новелла "Перевал"). В стихотворении "На распутье", навеянном картиной В. М. Васнецова "Витязь на распутье", слышится тревога: "И один я в поле, и отважно / Жизнь зовёт, а смерть в глаза глядит..." [4, I, с. 125]. В первой, журнальной, редакции этого стихотворения мысль о невозможности достижения цели без потерь была выражена согласно сказочному сюжету: "И ужели нет пути иного, / Где бы мог пройти я, не губя / Ни надежд, ни счастья, ни былого, / Ни коня, ни самого себя?" [4, I, с. 401]. В трудные минуты Бунина поддерживала вера в то, что писательский труд составляет смысл его жизни.

В. П. Катаев в "Траве забвения" говорит о его максимализме, доходящем до жертвенности. И здесь нет преувеличения. В этом убеждает нас стихотворение Бунина "Кадильница" (1916). В заброшенном монастыре на Сицилии поэт увидел выгоревшую до угольной черноты кадильницу. Мысли, навеянные этой находкой, выражают авторское кредо: "Ты, сердце, полное огня и аромата, / Не забывай о ней. До черноты сгори" [4, I, с. 392].

Характеризуя начальный период творчества Бунина, можно сказать о его раннем писательском дебюте. В Орле в 1891 г. вышел первый сборник произведений Бунина "Стихотворения 1887—1891 гг.". В 1897 г. вышел в свет первый сборник бунинской прозы "На край света". В дальнейшем в течение двух лет Бунин почти ничего не пишет. Позже он так объяснил, чем это было вызвано: "Сам чувствуя свой рост и в силу многих душевных переломов, уничтожал я тогда то немногое, что писал прозой, беспощадно; из стихов кое-что (то, что было менее интимно, преимущественно картины природы) печатал, довольно много переводил — чужое было легче передавать" [4, IX, с. 262]. Ещё в юности он перевёл стихотворение Байрона, а впоследствии и его поэмы "Каин", "Манфред", "Небо и земля". Перевод поэмы американского поэта Генри Лонгфелло "Песня о Гайавате" принёс Бунину славу выдающегося переводчика.

Самопознание Бунина органично сочеталось с постижением наследия предшественников: А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. А. Фета, Я. П. Полонского и др. На уроках изучения лирики Бунина старшеклассники выполнят творческие задания по сопоставлению стихотворений поэта с произведениями названных авторов. Важно обратить внимание учащихся на то, что из богатейшего наследия отечественной литературы Бунин выбрал и усвоил то, что отвечало его собственным устремлениям, его художническому и социальному опыту, на что указал сам автор в "Автобиографической заметке" для "Русской литературы XX века" С. Венгерова: "Писал я в отрочестве сперва легко, так как подражал то одному, то другому, — больше всего Лермонтову, отчасти Пушкину, которому подражал даже в почерке" [4, IX, с. 259].

Далее учитель сосредоточит внимание школьников на творческих контактах писателя с современниками. По словам академика В. В. Виноградова, "особенно важное значение для литературной биографии автора имеют все факты, признания и сообщения современников, относящиеся к его творчеству, к связи его произведений с личными наблюдениями, переживаниями, отношениями и с общественными событиями и происшествиями" [9, с. 35].

И. А. Бунин неотделим от эстетических исканий своей эпохи. Творческие связи и личные контакты его с писателями дают представление о масштабности творческих интересов Бунина, его авторитете в литера-

турной среде, его верности своим принципам.

— Как воспринимали Бунина-художника в писательской среде?

Интересный материал представлен в книге Н. Д. Телешова "Записки писателя". Автор рассказывает в ней о деятельности литературно-художественного кружка "Среда" (1899—1916), который объединил прогрессивно настроенных писателей. В него входили: В. В. Вересаев, А. С. Серафимович, Л. Н. Андреев, И. А. Бунин, драматург С. А. Найдёнов, А. И. Куприн и др. В работе кружка участвовали М. Горький и писатели старшего поколения — Д. Н. Мамин-Сибиряк, А. П. Чехов, В. Г. Короленко. На заседаниях "Среды" авторы читали многие свои новые произведения. Мнение Бунина в этих обсуждениях было особенно весомым. Н. Д. Телешов пишет: "Бунин представлял собой одну из интересных фигур на "Среде". Высокий, стройный, с тонким, умным лицом, всегда хорошо и строго одетый, любивший культурное общество и хорошую литературу, много читавший и думавший, очень наблюдательный и способный ко всему, за что брался, легко схватывавший суть всякого дела, настойчивый в работе и острый на язык, он врождённое своё дарование отгранил до высокой степени. Литературные круги и группы, с их разнообразными взглядами, вкусами и искательством, все одинаково признавали за Буниным крупный талант, который с годами всё рос и креп, и, когда он был избран в почётные академики, никто не удивился; даже недруги и завистники ворчливо называли его "слишком юным академиком", но и только. Наши собрания Бунин не пропускал никогда и вносил своим чтением, а также юмором и товарищескими остротами много оживления" [10, с. 35].

Н. Д. Телешов, будучи близким другом писателя, обращает внимание на неиссякаемую работоспособность Бунина: "Работать он мог очень много и долго: когда гостил он у меня летом на даче, то, бывало, целыми днями, затворившись, сидит и пишет; в это время не ест, не пьёт, только работает; выбежит среди дня на минутку в сад подышать и опять за работу, пока не кончит. К произведениям своим всегда относился крайне строго, мучился над ними, отделывал, вычёркивал, выправлял..." [10, с. 35].

Первые отклики на произведения Бунина закрепили за ним устойчивую на долгие годы характеристику как "певца осени, грусти, дворянских гнёзд". Сам писатель признавался в 1915 г., что он жил значительно более сложной жизнью. "А между тем человек-то был я как раз не тишайший и очень далёкий от какой бы то ни было определённости: напротив, во мне было самое резкое смешение и печали, и радости, и личных чувств, и страстного интереса к жизни, и вообще стократ сложнее и острее жил я, чем это выразилось в том немногом, что я печатал тогда" [4, IX, с. 264—265].

В методических пособиях несколько упрощается и выпрямляется путь И. А. Бунина-художника к признанию, как и характер его отношений с писателями-современниками. Идеологическая позиция Бунина представлена достаточно определённо как "знаньевца", состоявшего в дружеских отношениях с М. Горьким и его окружением, и противника декадентов. Между тем идейно-эстетическая позиция Бунина не была столь определённой в рассматриваемый период его творчества. В 1895 г. в Петербурге и Москве он знакомится со многими видными поэтами и писателями. "До 94-года я не видел ни одного настоящего писателя и вообще совсем был чужд литературному миру.

Я увидел сразу четыре литературных эпохи: с одной стороны Григорович, Жемчужников, Толстой; с другой — редакция "Русского богатства", Златовратский и ему подобные; с третьей Эртель и Чехов, а с четвёртой — те самые служители "новой красоты", которые, по слову Мережковского, уже "преступали все законы, нарушали все черты" [4, IX, с. 279]. Хотя Бунин к этому времени печатался в таких маститых столичных журналах, как "Вестник Европы", "Мир божий", "Русское богатство", он всё ещё был начинающим писателем, подающим надежды, не более. Он окунулся в водоворот литературной жизни, в которой молодому писателю не просто было определиться. Бунин с равным интересом посещает литературные собрания разных направлений.

Важную роль в общении И. А. Бунина с современниками сыграли заседания московской литературной "Среды", проходившие в то время в доме писателя Н. Д. Телешова. Кроме "Среды", в Москве Бунин охотно посещал вечера в доме Рыбаковых, "где собирались "декаденты" и "декадентки", кумиром которых был К. Бальмонт, также бывал на литературных вечерах у В. Брюсова, на редакционных "вторниках" издательства "Скорпион", что дало основание некоторым

исследователям сделать вывод о непоследовательности бунинской позиции.

Публикация писем Бунина во многом проясняет его непростые отношения с современниками. Действительно, говорить о стройной и последовательной жизненной и литературной эволюции начинающего писателя не приходится. Социальное происхождение Бунина и его верность традициям классической литературы давали повод для характеристики его как "классика рубежа двух столетий" (К. Федин). М. Горький сказал Бунину при их первой встрече в 1899 г.: "Вы же последний писатель от дворянства, той культуры, которая дала миру Пушкина и Толстого" [11, с. 122]. Бунин и сам не раз повторял, что он слишком поздно родился.

Для И. А. Бунина неизменными авторитетами в литературе являлись Л. Н. Толстой и А. П. Чехов. Не случайно так глубоко раскрывает писатель духовный мир этих великих художников в своих произведениях "Освобождение Толстого" и "О Чехове". Книги Бунина о Толстом и Чехове, работа над которыми продолжалась долгие годы, были для автора в большой степени **опытом самопознания.**

Много верных наблюдений делает Бунин о восприятии Чеховым жизни в целом, его вкусах, стремлениях, привязанностях. Дружеские отношения между писателями основывались на душевном созвучии (сдержанность, привычка к самоуглублённому раздумью, врождённое чувство юмора) и литературных пристрастиях обоих. Для Бунина авторитет Чехова в вопросах литературной этики оставался на протяжении всей жизни неизменно высоким. Бунин считал, что о литературе можно говорить только с Чеховым.

Восторженные оценки произведений Л. Н. Толстого, повторяемые Буниным до конца жизни, содержатся уже в ранних его письмах: "Читаю "Войну и мир" и в некоторых местах прихожу в неистовый восторг. Что за прелесть, напр(имер), эта Наташа! Великое мастерство! **Просто благоговение какое-то чувствую к Толстому!"** [7, с. 35] Н. Пушешников описывает глубокое волнение Бунина, которое тот испытывал при чтении произведений любимого писателя: "Он начал было читать вступление к "Хаджи Мурату": "Я возвращался домой полями", — но от волнения остановился, — закурил папироску и опять на словах "сладко и вяло заснувшего там шмеля" остановился и сказал: "Как можно так писать! Это литература! Да и вообще: после Толстого всем надо бросить писать!" [12, с. 246].

(Окончание следует.)

Список использованной литературы

1. *Храпченко, М. Б.* Собр. соч. : в 4 т. / М. Б. Храпченко. — М. : Худож. лит., 1981. — Т. 3.
2. *Таборисская, Е. М.* Творческая индивидуальность писателя / Е. М. Таборисская, А. М. Штейнгольд // Пути анализа литературного произведения : пособие для учителя / под ред. Б. Ф. Егорова. — М. : Просвещение, 1981.
3. *Нинов, А.* М. Горький и Ив. Бунин. История отношений. Проблемы творчества / А. Нинов. — Л. : Сов. писатель, 1984.
4. *Бунин, И. А.* Собр. соч. : в 9 т. / под ред. А. С. Мясникова, Б. С. Рюрикова, А. Т. Твардовского / И. А. Бунин. — М. : Худож. лит., 1965—1967.
5. *Муромцева-Бунина, В. Н.* Жизнь Бунина, 1870—1906. Беседы с памятью / В. Н. Муромцева-Бунина. — М. : Сов. писатель, 1989.
6. Литературное наследство : Иван Бунин / Акад. наук СССР. Ин-т мировой лит.; гл. ред. В. Р. Щербина. — М. : Наука, 1973. — Т. 84, кн. I, II.
7. *Бунин, И.* Письма 1885—1904 / под общ. ред. О. Н. Михайлова / И. Бунин. — М. : ИМЛИ РАН, 2003.
8. И. А. Бунин: Новые материалы. Вып. 1 / сост., ред. О. Коростелёва, Р. Дэвиса. — М. : Русский путь, 2004.
9. *Виноградов, В. В.* Проблема авторства и теория стилей / В. В. Виноградов. — М. : Гослитиздат, 1961.
10. *Телешов, Н. Д.* Записки писателя: воспоминания и рассказы о прошлом / Н. Д. Телешов. — М. : Моск. рабочий, 1980.
11. *Бунин, И. А.* Воспоминания / И. А. Бунин. — Париж : LEV, 1981.
12. *Бабореко, А. К.* И. А. Бунин на Капри: по неопубликованным письмам / А. К.Бабореко // В большой семье: Проза. Стихи. Литературная критика. — Смоленск, 1960.

Тема из школьной программы

Т. Е. Зыль, доцент кафедры риторики и методики преподавания языка и литературы Белорусского государственного университета

И. А. Бунин: проблемное изучение биографии писателя

(Окончание. Начало в № 9 за 2008 г.)

На первый взгляд, творческий путь И. А. Бунина представляется очень успешным: ранний литературный дебют, ободряющие слова маститых писателей — А. П. Чехова, Л. Н. Толстого, В. Г. Короленко, две Пушкинские премии Российской академии наук, избрание почётным академиком. Однако публикация новых материалов о Бунине даёт возможность более ясно представить непростые взаимоотношения Бунина с писателями-современниками, не лишённые внутреннего драматизма, сомнений и разочарований. Будучи приверженцем классических традиций, Бунин испытал **в процессе самоопределения** и другие, противоположные влияния и тенденции. Неудовлетворённость молодого писателя народничеством и толстовством пробудили **явный интерес к художественным исканиям представителей "нового" искусства.**

Чем привлекательна была для И. А. Бунина художественная практика символистов? Высказывание писателя, записанное его племянником в 1911 г., проясняет, почему Бунин разочаровывается в народничестве и проявляет интерес к исканиям символистов. Бунин заметил, что Михайловский и Короленко (редакторы народнического журнала "Русское богатство". — Т. З.) "погубили журнал тем, что придали ему слишком определённую политическую народническую физиономию. Все эти разговоры о каком-то самобытном пути, по которому Р(оссия) пойдёт в отличие от европейского Запада, все эти разговоры об исконных мужицких началах и о том, что мужичок скажет какое-то своё последнее мудрое слово — в то время, когда мир бешено мчится вперёд по пути развития техники — всё это чепуха, которая только тормозит дело... Главная беда журнала — это его провинциализм. (...) Я не декадент и не выношу их вычурности, их юродства и пошлости, но считаю, что во многом они делают полезное дело. Ни Эреида, ни Лек(онт) де Лиль, ни Бодлер не вяжутся с Р(усским) б(огатством) — а это вершина поэтического искусства последнего времени. А декаденты их перетаскивают к нам! Их темы, стиль вносят в наш быт новые чувства, обогащают нас..." [8, с. 517].

Но отношения Бунина с символистами складывались непросто.

В общении со столичными поэтами-символистами, многие из которых происходили из высококультурных и обеспеченных семей, с детства безукоризненно владели иностранными языками, закончили университет и не были с юности обременены заботой о хлебе насущном, Бунин болезненно воспринимал недостаточность собственного образования. Об этом писали многие современники, например А. Ахматова: "Бунин не мог простить человечеству, что кончил четыре класса гимназии" [8, с. 417].

После известного выступления Бунина на юбилее "Русских ведомостей", где он дал негативную характеристику декадентам, появились публикации, авторы которых выражали недоумение, указывали на непоследовательность бунинской позиции по отношению к современной литературе, например: "Бунин смеётся над декадансом и символизмом, насадителями которого были у нас в России журнал "Весы" и книгоиздательство "Скорпион".

А было время, когда сам Бунин был близок к тому сообществу поэтов, которое группировалось около этих изданий.

Помню, лет 10—12 тому назад сотрудники "Весов" и "Скорпиона" собирались по

вторникам в зале Большой Московской гостиницы, и я (...) встречал сегодняшнего хулителя символизма в дружном обществе Брюсова, Бальмонта, Балтрушайтиса, Полякова и др. пионеров русского литературного модерна.

К чему далеко ходить в поисках того, что **сам Бунин принимал живое участие в исканиях новых литературных откровений**, — сборник его стихотворений "Листопад", за который Академия наук присудила Бунину Пушкинскую премию, издан декадентским книгоиздательством "Скорпион", которое и приоткрыло ему двери в академию" [8, с. 430—431]. Действительно, сборник "Листопад", ставший поворотным в формировании литературной репутации Бунина, был опубликован в 1900 г. в московском издательстве "Скорпион", которое привлекало автора высокими художественными требованиями к публикациям и большим интересом у читающей публики. В дальнейшем Бунин собирался продолжить сотрудничество с издательством. Узнав о том, что его произведения не заявлены к публикации в альманахе на 1901 г., Бунин писал В. Брюсову: "...Но неужели между нами ничего не осталось как между художниками? Вы, конечно, отлично знаете, что с моей стороны этого нет. Я, вникнув в вашу книгу, за последнее время отношусь к Вам как к поэту ещё с большим уважением, чем прежде; Вы знаете также, что **ко всем вам я питаю очень большое расположение как к товарищам, дорогим мне по настроениям и единомыслию во многом**" [7, с. 355]. Думается, Бунин не кривил душой, когда писал эти строки. В сборнике "Листопад" и М. Горькому, и В. Брюсову, и К. Бальмонту были посвящены отдельные стихотворения, на что автор при их переиздании не указывал.

Ответ В. Я. Брюсова был доброжелательным. Он не только обещал опубликовать произведения Бунина, но и заверил автора в своём расположении к нему: "Что до меня, я буду очень ждать, так как мне желательно, радостно было б соединить в альманах все любимые мной имена" [6, I, с. 455—456].

Однако идейная нетерпимость вождя символизма привела к разрыву отношений между ними. Брюсов записал в сентябре 1901 г.: "Приехал в Москву Бунин и пришёл ко мне. (...) На скорпионовском вторнике я с ним опять поговорил крупно, сказал, что все его писания ни на что не нужны, главное, скучны, и т.д., он проявлял великодушие и всячески славил мои стихи" [13, с. 124] (имеется в виду книга "Terlia vigilia" (М., 1900), в которой один из разделов, "Картинки Крыма и моря", был посвящён Бунину. — Т. З.). Брюсов высказывал свои суждения не только в личном общении, но и выносил их на широкую читательскую аудиторию, что глубоко уязвляло самолюбие Бунина. В рецензии на бунинский сборник "Новые стихотворения" (1902) Брюсов заявил в категоричной форме, что бунинская лирика — "это вчерашний день литературы" [14, с. 194]. Впоследствии он окончательно разорвал отношения с Буниным, даже во время празднования 25-летнего юбилея его литературной деятельности в 1912 г. вождь символизма предпочёл уехать из Москвы, прислав довольно сдержанную телеграмму юбиляру.

Творческие связи И. А. Бунина с модернистами были непродолжительными, но и отрицать их — значит недооценивать мастерство писателя. Бунин многое не принимал в эстетике новой литературы, но интерес модернистов к мировой литературе и поиски новых средств художественной выразительности были характерными и для его творчества.

В своей речи на юбилее "Русских ведомостей" (1913) И. А. Бунин выступил против литературы декаданса, претендующей на первое место в отечественной культуре, и подтвердил свою приверженность традициям русской литературы. В последующие годы в своих интервью Бунин высказывался о современных течениях в литературе ещё более категорично, утверждая, что они "указывают скорее на известный упадок русской литературы, чем на расцвет" [6; I, с. 376].

Разногласия с символистами вынудили Бунина искать других издателей, и с этой целью он обратился к М. Горькому. Значит ли это, что писатель разделял идеологическую позицию большинства авторов, публиковавшихся в "Знании"? Скорее, можно думать, что привлекательными для Бунина были неэпигонский характер и актуальность творческих исканий его участников. Данное предположение подтверждает высказывание М. Горького по этому поводу в письме к издателю К. П. Пятницкому: "Я всё думаю — следует ли "Знанию" ставить свою марку на произведениях индифферентных людей? Хорошо пахнут "Антоновские яблоки" — да!

Но — они пахнут отнюдь не демократично, — не правда ли?" [15, с. 53].

В 1902 г. Бунин всё же сделался "знаньевцем". На фотографиях последующих лет он запечатлён в окружении М. Горького. Неслучайно на известной карикатуре художника Коки (Н. И. Фидели) под большим грибом с лицом Горького изображены три маленьких грибка — Л. Андреев, С. Скиталец и И. Бунин. Это дало основание читателям причислить и последнего к "подмаксимкам", что вызывало неудовольствие писателя. Бунин не пытался внешне подражать одежде и манерам Горького, как это делали С. Скиталец, Л. Андреев, Ф. Шаляпин, которые нарядились в поддёвки русского покроя и натянули сапоги с высокими голенищами.

Вообще с Горьким Бунин познакомился в 1899 г. Общение и переписка между писателями продолжались до 1917 г. Наиболее обстоятельно проблема взаимоотношений двух художников была исследована А. Ниновым [3]. Однако утверждение исследователя о том, что дружеские отношения между ними сохранялись таковыми на протяжении почти двадцати лет, в современном буниноведении опровергается.

Высказывания писателей друг о друге не всегда были лицеприятными. Уже в ранних письмах И. А. Бунина выражено недоумение, вызванное "странностью" общественного и бытового поведения М. Горького (подчёркнутая грубость, страсть к гиперболам вплоть до внешних атрибутов — одежда, причёска и т.д.): "Горький же, между нами, по-моему, отчасти прикидывается таким грубым, ломается, и удивляюсь, как этого не понимают многие" [7, с. 321].

Горький и Бунин были интересны друг другу как художники. Горькому принадлежат самые большие похвалы, высказанные современниками в адрес И. А. Бунина. Даже изменив своё отношение к Бунину как человеку, Горький неизменно воспринимал его как первого русского писателя своей эпохи: "Талантливейший художник русский, прекрасный знаток души каждого слова, он — сухой, "недобрый" человек, людей любит умом, к себе — до смешного бережлив. Цену себе знает, даже несколько преувеличивает себя в своих глазах, требовательно честолюбив, капризен в отношении к близким ему, умеет жестоко пользоваться ими.

Сколько интересного можно рассказать о нём!" [8, с. 436].

Бунин охарактеризовал свои отношения с Горьким в письме к брату в 1911 г. следующим образом:

"А что до Краснопёрого (Горького. — Т. З.), то необходимость ходить к нему выбивает из интимной тихой жизни, при которой я только и могу работать, мучиться тем, что совершенно не о чем говорить, а говорить надо, имитировать дружбу, которой нету, — всё это так тревожит меня, как я и не ожидал. Да и скверно мы встретились: чувствовало моё сердце, что энтузиазму этой "дружбы" приходит конец, — так оно и оказалось, никогда ещё не встречались мы с ним на Капри так сухо и фальшиво, как теперь!" [16, с. 165].

Так что же сближало двух выдающихся современников?

Обоих писателей сближали интерес к народной жизни и даже соперничество в том, кто лучше знает свой народ и объективно изображает его жизнь. Беседы и даже споры на эту тему были плодотворными для обоих художников. Бунин ощутил мощную поддержку Горького, выступившего против резких выпадов в адрес автора "Деревни" и крестьянских рассказов 1910-х гг., когда критики упрекали Бунина в том, что он тенденциозно исказил действительность в силу своих дворянских предрассудков.

Время сотрудничества с писателями-знаниевцами было очень плодотворным для И. А. Бунина. В издательстве "Знание" выходили его книги и первое собрание сочинений в пяти томах. Это же издательство выпускало "Сборники товарищества «Знание», в которых часто печатались произведения Бунина. В этот период сформировалась литературная репутация его как выдающегося писателя современности. Он дважды был награждён Пушкинской премией Академии наук: в 1903 г. за сборник "Листопад" и перевод "Песни о Гайавате" Г. Лонгфелло (премия совместно с П. И. Вейнбергом) и в 1909 г. за третий и четвёртый тома Собрания сочинений, в которые вошли стихотворения 1903—1906 и 1907 гг. и переводы произведений Теннисона, Лонгфелло, Байрона (премия совместно с А. И. Куприным). Бунин был избран в почётные академики по разряду изящной словесности в 1909 г. (одновременно с Н. Н. Златовратским).

Однако с 1910 г. Бунин начинает публиковаться в других изданиях. Известный литературный критик В. П. Кранихфельд проясняет позицию писателя в тот период его творчества, прокомментировав внесённые автором изменения в текст рассказа "Новая дорога" при переиздании:

"Рассказ "Новая дорога" написан в 1901 г., и в первых его изданиях вопрос читался так:

"Какой стране принадлежу я, русский интеллигент-пролетарий, одиноко скитающийся по родным краям?"

В последнем издании (1912) Бунин сократил фразу, и здесь она читается:

"Какой стране принадлежу я, одиноко скитающийся?"

Автор признал неудачной свою попытку самоопределения и выключил её из нового издания своих старых рассказов.

"Русский интеллигент-пролетарий!"

Много лет носил он это звание, — звание, в котором и поныне пребывают наиболее близкие ему по духу писатели-сверстники, и, наконец, отказался от него. Имел ли Бунин право на это звание или он самовольно присвоил его себе?" [17, с. 342—343]. Отвечая на поставленный вопрос, критик отмечает, что в своих произведениях Бунин, познавший нужду и лишения, часто соприкасается своими настроениями с писателями, представляющими русский интеллигентный пролетариат, но своими корнями Бунин упирается в иную среду, и эта "двойственность" положения определяет его своеобразие в русской литературе.

Во время Первой мировой войны А. М. Горький и И. А. Бунин сотрудничали в петроградском журнале "Летопись", но от их дружеских отношений осталась одна лишь видимость, а в 1917 г. пути их окончательно разошлись.

В аспекте поставленной проблемы "Верность призванию" рассмотрим многочисленные путешествия Бунина. "...Жажда странствовать и работать овладела мной с особенной силой" [4, IX, с. 263], — сказал о себе Бунин, вспоминая поездку на Восток в 1907 г. Неслучайно сочетание понятий "странствовать" и "работать". Путешествия были для Бунина, которого томила, по его словам, "жажда жить тысячами чужих жизней", необходимым звеном творческого процесса. Богатый и разнообразный жизненный материал давали писателю многочисленные путешествия по странам Европы, Азии и Востока. Познание мира во времени и пространстве для него всегда соединялось с постижением сущего в искусстве. "Я, как сказал Саади, стремился обозреть лицо мира и оставить в нём чекан души своей, меня занимали вопросы психологические, религиозные, исторические" [4, IX, с. 268]. Прошлое и настоящее человечества предстаёт в художественно-философском осмыслении Бунина в своём неразрывном единстве. Жизненный и творческий опыт писателя в предреволюционные годы открывал ему возможность постижения "глубин жизни".

М. Горький с восхищением писал о том, что И. А. Бунин наделён даром постижения жизни других народов. В поздравительном письме по случаю двадцатипятилетия литературной деятельности И. А. Бунина он писал: "И проза Ваша, и стихи с одинаковою красотой и силой раздвигали пред русским человеком границы однообразного бытия, щедро одаряя его сокровищами мировой литературы, прекрасными картинами иных стран, связывая воедино русскую литературу с общечеловеческим на земле" [18, с. 69].

Н. Д. Телешов называл Бунина непоседой. "Его всегда тянуло куда-нибудь уехать. Подолгу задерживался он только у себя на родине, в Орловской губернии, в Москве, в Одессе и в Ялте, а то из года в год бродил по свету и писал мне то из Константинополя, то из Парижа, из Палестины, с Капри, с острова Цейлона..." [10, с. 35].

Бунин восхищался природой своей страны, живо интересовался её историей. В юности, весной 1899 г., он в одиночку странствовал по Крыму, в последующие годы путешествовал по Украине. Вместе с братом Юлием в июне 1914 г. они отправились по городам Волги от Саратова до Ярославля.

Бунин побывал во многих странах Европы, Ближнего Востока и Африки. Его интересовали быт, нравственно-психологический уклад и типы культуры этих стран. Вместе с женой они совершили три продолжительных заграничных путешествия в 1907, 1910 и 1910—1911 гг. В апреле—мае 1907 г. И. А. Бунин с В. Н. Муромцевой-Буниной предприняли поездку за границу, ознаменовавшую начало их совместной жизни. О масштабе впечатлений писателя, полученных во время этого путешествия, даёт представление простой перечень городов, в которых они побывали. Маршрут их пролегал че-

рез Киев, Одессу, Константинополь, Афины, Александрию, Порт-Саид, Яффу, Иерусалим, Вифлеем, Хеврон, Иерихон, Бейрут, Баальбек, Дамаск, Тивериаду, Назарет, Хайфу, Каир, Константинополь и возвращение через Одессу и Киев в Москву. Это путешествие отразилось в цикле очерков "Тень птицы" и во многих стихотворениях Бунина.

Начиная с 1910—1911 гг. Бунин проводил за границей все зимы вплоть до начала Первой мировой войны. Плодотворными для писателя были поездки на Капри: в марте—апреле 1909 г., в апреле—мае 1910 г., с ноября 1911 по февраль 1912 г. и с ноября 1912 по март 1913 г. На Капри Бунин общался с М. Горьким, они делились творческими планами, обсуждали написанное.

Революция застала И. А. Бунина в Москве. Свои переживания и отношение к событиям он выразил в дневнике "Окаянные дни". Неприятие большевистской диктатуры у Бунина приобретает не только моральный, но и эстетический характер. "Большевики приносят с собой что-то новое, совершенно нестерпимое для человеческой природы! И мне странно видеть людей, которые искренне думают, что они, т.е. большевики, могут дать что-нибудь положительное", — записывает он в дневнике (март 1919) [19, с. 225].

Прожив некоторое время в условиях советского режима, Бунин вынес представление о советском быте, главными составляющими которого стали пренебрежение к человеческому достоинству, подавление личной независимости, непорядочность и жестокость в людских отношениях, одуряющая антиэстетичность. Несмотря на голод и отсутствие средств к существованию, Бунин категорически отказывается от сотрудничества с большевиками. В своём дневнике писатель даёт выход своим эмоциям, но в дальнейшем художественном творчестве он ограничивается лишь намёками на современность. Бунин-художник исключает возможность художественного воплощения советской действительности в силу её низменности и антиэстетичности. В мае 1918 г. Бунин стал хлопотать о получении заграничных паспортов, просьба его была удовлетворена, и супруги уехали из Москвы в Одессу, где прожили осень и зиму. Жизнь в городе была очень тревожной, власть часто менялась. Вместе с тем литературная жизнь даже в это трудное время в Одессе не замирала. Бунин общался с писателями С. С. Юшкевичем, И. С. Соколовым-Микитовым, Н. А. Тэффи, В. П. Катаевым, Ю. Олешей и др., также оказавшимися в Одессе, с артистами Художественного театра — О. Л. Книппер-Чеховой, В. А. Подгорным. Многие семьи решают эмигрировать, уезжает А. Н. Толстой с женой, М. Волошин, но Бунин колебался, обдумывая возможность возвращения в Москву.

Испытывая нужду, писатель всё же не стал сотрудничать во французской газете, но некоторое время возглавлял беллетристический отдел газеты "Южное слово", основанной Добровольческой армией. В газете сотрудничали также И. Шмелёв, К. Тренёв, С. Ценский. Однако белые фронт не удержали, возвращение в Москву уже не представлялось возможным, и в январе 1920 г. Бунины отправились на пароходе в Константинополь, затем в Болгарию, а оттуда в конце марта 1920 г. — в Париж, культурный центр русской эмиграции. Начались долгие годы эмиграции — в Париже и на юге Франции, в Грассе, вблизи Канн.

Разрыв писателя с Родиной явился тяжёлым испытанием для И. А. Бунина. В советской прессе его, как и других русских интеллигентов, оказавшихся за границей, причисляли к "эмигрантскому отродью", чуждому русскому народу. В советской России в первое десятилетие произведения Бунина издавались книжками небольшого объёма маленькими тиражами, а после 1928 г. его книги были вообще запрещены. В советской критике утвердилось мнение, что Бунину-эмигранту не о чем писать, поэтому он обратился к воспоминаниям. Такая оценка эмигрантского периода творчества И. А. Бунина, к этому времени уже лауреата Нобелевской премии, прозвучала на Первом всесоюзном съезде советских писателей в 1934 г. в выступлении С. Скитальца: "Даже Бунин, этот холодный опытный мастер, терпеливый ювелир слова, прирождённый академик, последний писатель тургеневской школы, и тот давно остановился в своём развитии. Его "Митина любовь" произвела впечатление старой рукописи, написанной лет тридцать назад и напечатанной только теперь. К прежнему Бунину она не прибавила ничего. От литературного провала и неудач его спасает только высокая техника. Но впечатление таково, будто Бунину

давно уже стало не о чем писать, и он подобно Куприну погружается в личные воспоминания прошлого. Он как бы не видит и не знает, что делается кругом; как будто не было для него ни мировой войны, ни революции, ни новой строящейся жизни.

Грустным призраком стоит перед затуманенным взором поэта серенькая автобиографическая жизнь Арсеньева, в которой только и есть хорошего, что описание орловских полей с их ржами и овсами, тогда как жизнь неузнаваемо изменила прежний безотрадный облик этих полей, существующих теперь только в воображении старого изгнанника" [20, с. 608—609]. Однако такой упрощённый взгляд на творчество И. А. Бунина эмигрантского периода обеднял содержание его произведений.

Жизнь И. А. Бунина во Франции протекала в оторванности от окружающей иностранной среды. Верный своим принципам, писатель не изменил себе и своему призванию. Бунин был одним из немногих авторов, чей талант не только не увял на чужбине, а раскрылся с новой силой. Им созданы такие замечательные произведения, как "Митина любовь", "Дело корнета Елагина", цикл рассказов "Тёмные аллеи", "Жизнь Арсеньева" и др. Память сердца о родной земле не давала иссякнуть роднику вдохновения.

Чем же объясняется всё возрастающий интерес к произведениям писателя читателей нашего времени?

Для понимания творчества Бунина эмигрантского периода важно осмысление роли памяти в произведениях писателя. В акте воссоздания прошлого (памятью и искусством) происходит не только воскрешение жизни, но одновременно и осмысление её, а значит, и осознание себя, понимание своего назначения в этом мире. В искусстве происходит преображение прошлого: время и пространство преодолеваются, соединяя далёкое и близкое в общем течении жизни. И. А. Бунин стремится воссоздать неповторимые мгновения жизни. Реальные впечатления как бы освобождаются в воспоминаниях от "материальных" подробностей повседневности, предстают в поэтическом возвышении. Как отмечает современный исследователь, "эстетизация эта возросла в эмигрантский период, что, вполне понятно, было вызвано стараниями сберечь и удержать утраченное в раме искусства, в точно найденном образе" [21, с. 104].

В 1933 г. И. А. Бунину, первому из русских писателей, была присуждена Нобелевская премия. Поздравления пришли со всех концов света, кроме России. Галина Кузнецова в своём дневнике пишет о том, что желание Бунина получить Нобелевскую премию было связано не столько с надеждой на улучшение материального положения, сколько с получением возможности расширить круг своих читателей: "Ведь тут дело не в деньгах, а в том, что пропало дело всей моей жизни. Премия могла бы заставить мир оборотиться ко мне лицом, читать, перевести на все языки" [6, II, с. 281].

В своей нобелевской речи И. А. Бунин подчеркнул, что впервые премия присуждена писателю-изгнаннику, и высказал очень важную для него мысль о необходимости свободы творчества: "В мире должны существовать области полнейшей независимости. Вне сомнения, вокруг этого стола находятся представители всяческих мнений, философских и религиозных верований. Но есть нечто незыблемое, всех нас объединяющее: свобода мысли и совести, то, чему мы обязаны цивилизации. Для писателя эта свобода необходима особенно, — она для него догмат, аксиома" [4, X, с. 331].

Выразителем духа Родины, её искусства считали Бунина все, оказавшиеся вместе с ним в эмиграции. Критик Г. Адамович писал о потрясении, вызванном смертью Бунина: "Было общее, согласное чувство, что с этой утратой что-то оборвалось... Его словами... говорило то огромное, высокое, то лучшее, что у нас было: это дух и голос русской литературы" [22, с. 190—191].

В поздних записках Бунина есть признание: "...я жил лишь затем, чтобы писать" [4, IX, с. 364]. Эта мысль писателя нашла художественное выражение в рассказе "Бернар". Его герой — шкипер яхты Мопассана, неустанный труженик, сказавший перед смертью: "Думаю, что я был хороший моряк".

И далее в тексте рассказа следует взволнованный авторский монолог, раскрывающий его собственное понимание значительности сказанных героем слов:

"А что хотел он выразить этими словами? Радость сознания, что он, живя на земле, приносил пользу ближнему, будучи хорошим моряком? Нет: то, что Бог всякому из нас даёт вместе с жизнью тот или иной талант и возлагает на нас священный долг не зарывать его в землю. Зачем, почему? Мы

этого не знаем. Но мы должны знать, что всё в этом непостижимом для нас мире непременно должно иметь какой-то смысл, какое-то высокое божье намеренье, направленное к тому, чтобы всё в этом мире "было хорошо" и что усердное исполнение этого божьего намерения есть всегда наша заслуга перед ним, а посему и радость, и гордость. И Бернар знал и чувствовал это. Он всю жизнь усердно, достойно, верно исполнял скромный долг, возложенный на него Богом, служил ему не за страх, а за совесть. И как же ему было не сказать того, что он сказал в свою последнюю минуту? "Ныне отпущаеши, Владыко, раба твоего, и вот я осмеливаюсь сказать Тебе и людям: думаю, что я был хороший моряк" [4, VII, с. 347].

Писателю особенно дорого было это произведение. Он исправлял рассказ, написанный в 1929 году, почти до конца своих дней. В последней его редакции Бунин изменил концовку, придав ей характер самооценки: "Мне кажется, что я, как художник, заслужил право сказать о себе, в свои последние дни, нечто подобное тому, что сказал, умирая, Бернар" [4, VII, с. 347].

Разумеется, весь приведённый материал невозможно рассмотреть на уроке. Однако учитель по своему усмотрению может отобрать то, что считает наиболее важным для формирования у школьников представления о личности И. А. Бунина, остальное предложить для самостоятельного ознакомления, порекомендовав литературу.

На заключительном этапе урока учитель приводит высказывание А. Т. Твардовского о Бунине. Твардовский отмечает, что жизненный материал, воспроизведённый в произведениях Бунина, — Орловщина, её природа, типы мужиков и помещиков, сельский быт — не был новым для русской литературы. Он знаком был читателю по произведениям предшественников Бунина, уроженцев этих мест: И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Н. С. Лескова. И всё же Бунину, по словам Твардовского, "удалось сказать своё слово, которое не прозвучало в литературе повторением сказанных до него слов о его родной земле, о людях, живших на ней, о времени, которое, правда, не могло не быть у него иным по сравнению со временем, отражённым в творениях его учителей в литературе" [4, I, с. 33].

Высказывание поэта предлагается учащимся как ***проблемная задача*** к изучению творчества И. А. Бунина. Перспективные задания такого типа при рассмотрении программных произведений фокусируют внимание школьников на главном, характерном в творчестве автора.

Как видим, урок по биографии писателя направляет учащихся на многоаспектное рассмотрение творчества И. А. Бунина: проследить эволюцию его мировоззрения; увидеть жизненный опыт писателя, эстетически освоенный в его произведениях; раскрыть взаимосвязь художника слова со своей эпохой.

Таким образом, изучение биографии писателя является необходимым условием постижения его художественного мира. У школьников формируется умение рассматривать мировоззрение и творчество писателя в их взаимосвязи, они осознают принципы отбора жизненного материала и его эстетического осмысления в произведениях автора. Высказывания автора о своём творчестве, стилевой анализ фрагментов текста настраивают учащихся на глубокое восприятие произведений писателя, "когда читателю интересны и отражение жизни, и личность, и идеалы самого автора, и его художественное мастерство" [24].

Список использованной литературы

1. *Храпченко, М. Б.* Собр. соч. : в 4 т. / М. Б. Храпченко. — М. : Худож. лит., 1981. — Т. 3.

2. *Таборисская, Е. М.* Творческая индивидуальность писателя / Е. М. Таборисская, А. М. Штейнгольд // Пути анализа литературного произведения : пособие для учителя / под ред. Б. Ф. Егорова. — М. : Просвещение, 1981.

3. *Нинов, А.* М. Горький и Ив. Бунин. История отношений. Проблемы творчества / А. Нинов. — Л. : Сов. писатель, 1984.

4. *Бунин, И. А.* Собр. соч. : в 9 т. / под ред. А. С. Мясникова, Б. С. Рюрикова, А. Т. Твардовского / И. А. Бунин. — М. : Худож. лит., 1965—1967.

5. *Муромцева-Бунина, В. Н.* Жизнь Бунина, 1870—1906. Беседы с памятью / В. Н. Муромцева-Бунина. — М. : Сов. писатель, 1989.

6. Литературное наследство : Иван Бунин / Акад. наук СССР. Ин-т мировой лит.; гл. ред. В. Р. Щербина. — М. : Наука, 1973. — Т. 84, кн. I, II.

7. *Бунин, И.* Письма 1885—1904 / под общ. ред. О. Н. Михайлова / И. Бунин. — М. : ИМЛИ РАН, 2003.

8. И. А. Бунин: Новые материалы. Вып. 1 / сост., ред. О. Коростелёва, Р. Дэвиса. — М. : Русский путь, 2004.

9. *Виноградов, В. В.* Проблема авторства и теория стилей / В. В. Виноградов. — М. : Гослитиздат, 1961.

10. *Телешов, Н. Д.* Записки писателя: воспоминания и рассказы о прошлом / Н. Д. Телешов. — М. : Моск. рабочий, 1980.

11. *Бунин, И. А.* Воспоминания / И. А. Бунин. — Париж : LEV, 1981.

12. *Бабореко, А. К.* И. А. Бунин на Капри: по неопубликованным письмам / А. К.Бабореко // В большой семье: Проза. Стихи. Литературная критика. — Смоленск, 1960.

13. *Брюсов, В. Я.* Дневники. Автобиографическая проза / В. Я. Брюсов. Письма. — М. : Олма-пресс, 2002.

14. Аврелий *(Брюсов, В. Я.)* Рец. на кн.: Бунин И. А. Новые стихотворения. М., 1902 / В. Я. Брюсов // Новый путь. — 1903. — № 1.

15. Архив А. М. Горького. — М. : Гос. изд-во худож. лит, 1954. — Т. 4 : Письма к К. П. Пятницкому.

16. *Бабореко, А. К.* Бунин: жизнеописание / А. К. Бабореко. — М. : Молодая гвардия, 2004.

17. *Кранихфельд, В. П.* Литературные отклики: И. А. Бунин / В. П. Кранихфельд // Современный мир. — 1912. — № 11.

18. Горьковские чтения: 1958—1959 : сб. / Акад. наук СССР. Ин-т мировой лит.; ред. кол. : Б. В. Михайловский, Е. Б. Тагер. — М., 1961.

19. Устами Буниных: дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и др. архивные материалы : в 2 т. / сост М. Грин; предисл. Ю. Мальцева. — М. : Посев, 2005. — Т. I.

20. Первый всесоюзный съезд советских писателей 1934. Стенографический отчёт. — М. : Сов. писатель, 1990.

21. *Станюта, А. А.* Выбор и позиция (об эстетических принципах Бунина в период эмиграции) / А. А. Станюта // Научные труды кафедры русской литературы БГУ. Выпуск II. — Минск : Изд. центр БГУ, 2003.

22. *Адамович, Г.* Бунин / Г. Адамович // Знамя. — 1988.

23. *Жабицкая, Л. Г.* Восприятие художественной литературы и личность: Литератур. развитие в юности / Л. Г. Жабицкая. — Кишинёв : Штиинца, 1974.

24. *Лавров, В. В.* Холодная осень: Иван Бунин в эмиграции (1920—1953 гг.) : роман-хроника / В. В. Лавров. — М. : Молодая гвардия, 1989.

25. *Смирнова, Л. А.* Иван Алексеевич Бунин : Жизнь и творчество : кн. для учителя / Л. А. Смирнова. — М. : Просвещение, 1991.

***И. А. Попова**, учитель русского языка и литературы*
Мачулищанской средней школы Минского района

Гласные на конце наречий

Цели: 1) закрепить правила правописания ***не*** с наречиями; 2) познакомиться с правилами правописания ***о***, ***е*** после шипящих на конце наречий и ***о***, ***а*** на конце наречий с приставками; 3) развивать орфографическую зоркость учащихся.

Ход урока

I. Оргмомент.

— Здравствуйте, ребята! Я очень рада видеть вас, рада нашей встрече. Надеюсь, что сегодняшний урок доставит нам всем удовольствие и позволит стать чуточку грамотнее. Давайте улыбнёмся друг другу и начнём работать. Вспомним тему предыдущего урока. О чём шла речь? *(Правописание не с наречиями.)*